

И. Л. Ильичева

АРХИТЕКТОНИМЫ В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ БРЕСТЧИНЫ

Процессы глобализации и глокализации не только усиливают интеграцию экономик, расширяют социальные связи в пространстве и времени, но и в значительной мере интенсифицируют вопросы имиджа и территориального брендинга. Как отмечает И. С. Важенина, «имидж и бренд территории, ее репутация в отечественных и зарубежных общественно-политических и деловых кругах становятся основополагающими факторами продвижения общегосударственных и региональных внешнеэкономических и политических проектов» [Важенина, с. 8]. Выразительный и оригинально сконструированный образ региона «несомненно выступает предпосылкой для ускорения социально-экономического развития стран (регионов, городов), повышения уровня и качества жизни населения, поскольку способствует решению ряда основополагающих вопросов, имеющих большое значение для интенсивного развития территории» [Важенина, с. 8].

Многие исследователи, в том числе и И. Ю. Глинская, среди эффективных инструментов территориального брендинга особо выделяют «создание новых территориальных маркеров; разработку символов территорий (в том числе гербов, гимнов и пр.); создание памятников и архитектурных комплексов; персонификацию территории через знаковую фигуру – политика, писателя, исторического деятеля» [Глинская, с. 83]. По словам В. М. Голомидовой, «знаковые архитектурные формы определяют многофакторное восприятие города и служат отправными точками для представлений о локациях, из которых складывается, которыми составлено и/или наполнено городское пространство» [Голомидова 2022, с. 162].

В этой связи в настоящее время фокус внимания многих региональных органов самоуправления смещается в сторону поиска новых, альтернативных «архитектурных» алгоритмов организации пространства городской среды и создания привлекательного образа региона в сознании людей.

В рамках данной статьи речь пойдет о *малых архитектурных формах* (жанровых скульптурах, именных скамейках, мемориальных досках, памятниках, муралах и других арт-объектах), появление которых в городском пространстве, безусловно, способствует «циркуляции и актуализации смыслов», усилению визуальной манифестации региональной идентичности.

Малые архитектурные формы служат одним из способов закрепления содержания культурного кода человечества. С одной стороны, их можно рассматривать как материальные объекты культурного ландшафта, способствующие формированию бренда территории, с другой стороны, как поликодовый текст, визуально и вербально маркирующий региональную идентичность.

Объектом данной части исследования являются малые архитектурные сооружения, расположенные на территории Брестского региона. Хронологические рамки исследования (1990–2022 гг.) обусловлены рядом знаковых для Брестчины событий: 2019 г. – празднование 1000-летия города Бреста и 80-летие Брестской области, 2020 г. – празднование 75-летия Победы в Великой Отечественной войне.

Источниками для сбора языкового материала послужили: сайты областного и районных исполнительных комитетов Брестской области; архивные материалы учреждения культуры «Брестский областной краеведческий музей», онлайн-путеводители 9 городов Брестской области (Брест, Пинск, Барановичи, Кобрин, Береза, Лунинец, Каменец, Столин, Жабинка); иные интернет-ресурсы, а также «Свод памятников истории и культуры Белоруссии. Брестская область».

В конце XX века во многих регионах на постсоветском пространстве у номинаций ряда архитектурных объектов, основанных «на принципе посвящения, сформировалась высокая продуктивность: мемориальные названия, построенные по смысловой модели “в память о ком- / чем-либо” ...<...>... “в честь кого- / чего-либо”, были представлены весьма широко. Взятые в совокупности, номинации всецело укладывались в контекст эпохи и развернуто воплощали доминирующую мировоззренческую “оптику” с ее идеологическими и общегуманистическими ценностями» [Голомидова 2017, с. 191].

Согласно статистическим данным к концу 90-х гг. на территории Беларуси насчитывалось около 8 тыс. объектов, относящихся к Великой Отечественной войне, более чем 1,2 тыс. из них – в Брестской области: 407 братских могил, 22 воинских захоронения, 14 мемориальных комплексов, 73 обелиска, 343 памятника, 11 стел.

В первых двух декадах 2000-х гг. мемориальный фонд Брестчины значительно пополняется рядом новых коммеморативных сооружений: мемориальный комплекс «Память» (г. Барановичи) на месте массового захоронения узников концлагеря № 337, памятный знак «Рязанцам – защитникам Брестской крепости» (г. Брест), памятник жертвам фашизма (д. Ляхчицы), памятные знаки жертвам фашизма (д. Заболотье), памятник участникам создания ядерного щита (г. Брест), скульптурная композиция «Героям границы, женщинам и детям мужеством своим в бессмертие шагнувшим» (г. Брест.), мурал защитнику Брестской крепости Петру Гаврилову (г. Брест), памятный знак в честь моряков Брестчины, участников русско-японской войны 1904–1905 гг. (г. Брест) и др.

В этот же период под эгидой региональных органов власти на территории Брестской области наряду с коммеморативными практиками осуществляется яркая и масштабная модернизация (трансформация) локальной идентичности. В это время в семиотическом ландшафте Брестчины появляется целый ряд скульптур, жанровых композиций и памятников: памятник преподобному мученику XVI в. Афанасию Брестскому (2006); собирательный образ пинчука-полешука в городе Пинске (2017); памятный знак «Старый фонарь» с текстом приказа на старорусском языке об обязанности ежедневно зажигать фонари после захода солнца (2010); скульптура «Фонарщик» (2007); аллегорическая скульптурная композиция «Муха и Вец» как маркер места слияния реки Мухи и канала Вец (2019) и др.

Стержневыми элементами такой модернизационной политики, на наш взгляд, стали памятник Тысячелетия Бреста (2009) и Аллея кованых фонарей (2013). По своему содержанию памятник Тысячелетия Бреста является полипрецедентным. Как своего рода культурный артефакт он представляет модель истории города, выраженную в прецедентных именах (князь Владимир Василькович, великий князь Литовский Витовт, Николай Радзивилл Черный) и в обобщенных образах жителей города (летописец, солдат, мать). На круговом горельефе нашли отражение 6 исторических прецедентных ситуаций и событий: легенда об основании города, строительство города, участие берестейцев в Грюнвальдской битве, издание Берестейской Библии, оборона Брестской крепости 1941 г., освоение космоса. Венцом мемориала служит фигура ангела, являющегося покровителем стародавнего Берестья и нынешнего Бреста.

В семантике многих арт-объектов Аллеи кованых фонарей также присутствуют поликодовые прецедентные феномены – названия известных литературных произведений, строчки из произведений, прецедентные ситуации и высказывания. Так, название *арт-фонаря* «*Какой русский не любит быстрой езды?*», принадлежащего транспортно-логистическому центру СООО «Брествнештранс», отсылает нас к знаменитой фразе Н. Гоголя из поэмы «Мертвые души», *арт-фонарь* «*Нос*» напоминает об одном из самых популярных мистических произведений Н. Гоголя «Нос», арт-объект «*Коляска*» представляет собой транспортное средство времен Н. Гоголя. Еще один *арт-фонарь* «*Вечера на хуторе близ Диканьки*» в виде поликодовой прецедентной ситуации иллюстрирует чертика, пытающегося украсть луну с небосвода. При вечернем свете в кованых окнах арт-фонаря можно увидеть силуэты знаменитой Солохи и пана Головы.

Памятник Тысячелетия Бреста и Аллея кованых фонарей, расположенные в центре города, векторно соединяют доминантные историко-культурные активы города в единый семиотический «маршрут культуры». Все перечисленные факты свидетельствуют о том, что такие уникальные коммеморативные практики отличают город от других городов, способствуют образованию заложенных в истории и традиции новых культурных смыслов, формируя идентичность [Соколова], превращают городскую среду в *этнокультурно*

маркированную семиосферу – «структурированное пространство, состоящее из множества узнаваемых символов, закрепленных в памятниках и монументальных зданиях, памятных местах и названиях улиц» [Соколова, с. 57].

Активное появление в коммуникативном пространстве региона номинаций для обозначения малых архитектурных форм, безусловно, приводит к тому, что топонимический фонд региона значительно наращивает свой потенциал, а новые ономастические единицы создают отдельный разряд периферийного ономастикона.

Для названий архитектурных памятников, скульптур, муралов и других малых архитектурных форм, заполняющих и структурирующих пространство современного города, мы предлагаем использовать термин *архитектоним* (от греч. *архитеκτονική* ‘архитектура’ + *оним*).

Прежде, чем мы перейдем непосредственно к анализу выделенных нами номинаций, отметим, что интерес к новым периферийным разрядам имен собственных, относящихся к городской среде, появился сравнительно недавно, о чем свидетельствуют работы В. И. Супруна (2018), А. В. Новиковой (2013), Е. П. Ариной (2008), Р. В. Разумова, С. О. Горяева (2018), М. В. Голомидовой (2019) и ряда других исследователей.

Огромный интерес представляют работы известного российского ономатолога В. И. Супруна, в которых он обращается к одному из периферийных разрядов ономастикона – названию мостов и для его маркировки вводит термин *гефироним*. По мнению В. И. Супруна, данные ономастические единицы не существуют изолированно, а «занимают важное место в топонимическом пространстве любого государства и города ...<...>... населённого пункта, обладают важными этнолингвокультурными характеристиками, отражают идеологические взгляды, существующие в обществе в разные эпохи, хранят память о прошлых событиях и личностях» [Супрун, с. 209].

Работы А. В. Новиковой посвящены структурно-семантическим особенностям названий станций метрополитена Москвы и Вены. Относя название станций метрополитена к периферийному разряду урбанонимов, А. В. Новикова считает, что они «как часть городской среды “аккумулируют” ключевые концепты культуры, структурируют и “оживляют” пространство города, наделяя его смыслами ...<...>... не только помогают нам лучше ориентироваться, но и формируют языковую и культурную картины мира» [Новикова, с. 547].

Аспектный анализ экклезионимов как особого типа онимов, предназначенных для именованя объектов культового назначения (церквей, монастырей, приходов, часовен, пустыней и т.д.), рассматривается в работах Е. П. Ариной, в монографии О. А. Лукиной, в диссертации О. А. Борисевич. По мнению Е. П. Ариной, «экклезионимы являются лингвокультурными константами, отражающими мировоззрение носителей языка и формирующими языковую картину мира» [Арина, с. 3].

К новой для русского языка категории имен собственных – названий жилых комплексов обращаются в своих исследованиях Р. В. Разумов и С. О. Горяев. Предложенный авторами подход анализа новых ономастических единиц «основывается на выявлении способов привязки ойкодомонимов к ментальной карте города, возможностей горожанина представить точное или приблизительное местоположение объекта по его имени собственному». В ходе сопоставления названий, отражающих два уровня позиционирования («доментальный» и «ментальный»), авторы делают вывод о том, что «ойкодомонимы могут рассматриваться как маркеры ментального пространства города» [Разумов].

По мнению М. В. Голомидовой, «брендируемые названия жилых комплексов, при условии интегрирования в окружающий урбанонимический ландшафт, дополняют его и делают более рельефными значимые для города культурные темы. Брендирование крупных фрагментов территории и создание урбанонимов на единой смысловой платформе помогают построению разноаспектного, но концептуально связанного имиджа локации» [Голомидова 2019, с. 11].

Таким образом, становится очевидным, что в формировании семантики городского пространства важная роль принадлежит пространственным городским объектам, поскольку именно они «несут на себе черты современных социокультурных процессов, работая на передачу актуальных смыслов дня сегодняшнего. Связанные с сюжетами городской жизни, со сложившимся бэкграундом в виде социальных мифов, городского фольклора и художественных произведений, урбанонимы работают на разные аспекты восприятия места и выполняют работу ключевых знаков» [Голомидова 2019, с. 13].

Опираясь на исследования периферийных разрядов ономастического пространства, мы считаем, что в плане функциональной нагрузки и общей семантики архитектонимы очень схожи с другими урбанонимическими единицами и являются востребованными типами онимов городского пространства.

Обращение к новому ономастическому материалу и необходимость его изучения представляется нам крайне важным и обусловлено рядом составляющих. Мы считаем, что изучение новых единиц ономастикона позволит раскрыть сущность сложнейшей природы региональных искусственных номинаций, рассмотреть их как продукт культуры, как ее важную составную часть и условие существования, как фактор формирования культурных кодов. В то же время это позволит ввести в научный оборот новый фактический материал – названия поликодовых реалий, вовлеченных в орбиту социального устройства региона.

Лингвистический статус архитектонимов

Названия малых архитектурных форм, или архитектонимическая лексика, являются малоизученным ономастическим разрядом. В белорусской ономастике в настоящее время отсутствуют комплексные работы, направленные на определение лингвистического статуса архитектонимов, установление принципов их номинации, классификации, особенностей функционирования в разных типах СМИ.

Являясь частью ономастической системы, архитектуронимы подчиняются общелингвистическим законам, поскольку в процессе номинации задействованы определенные формы и конструкции (лексические, грамматические, синтаксические), свойственные данному языку. Экстралингвистическая специфика архитектуронимов заключается в том, что наименование архитектурных сооружений производится с учетом временных, социальных особенностей развития реальной действительности.

На фоне других урбанонимических единиц архитектуронимы выделяются за счет своеобразных присущих им типологических параметров: поликодовый характер репрезентации, прозрачная внутренняя форма и ясная мотивация, традиционность принципов номинации и моделей построения, наличие большого количества структурных типов, меморативный характер.

Структурная специфика архитектуронимов

Структурная композиция архитектуронимов схожа с другими периферийными разрядами онимов (эргонимами, прагматонимами, эклезионимами, геортонимами и др.) и может быть представлена в виде схемы «номенклатурный (родовой) компонент + проприальная часть». Номенклатурный компонент представляет собой стандартизированный термин, фиксирующий «паспортные» характеристики архитектурного сооружения, его денотативную идентификацию – *памятники, обелиски, стелы, мемориальные доски, памятные знаки, бюсты, муралы, жанровые скульптуры, именные скамейки, арт-объекты*. Номенклатурный элемент *термин* указывает на квалификационные характеристики – предметно-тематический признак и цель назначения.

В поле нашего исследовательского интереса находятся проприальные части архитектуронимов как результат номинативной деятельности. Изучение архитектуронимов Брестского региона с позиций структурно-грамматического анализа (рассмотрено более 470 наименований малых архитектурных сооружений) дает основание говорить об их структурном и номинативном разнообразии.

Не претендуя на создание исчерпывающей лингвистической типологии названий малых архитектурных форм, перечислим наиболее распространенные модели, зафиксированные в нашем материале.

С точки зрения компонентного состава названия архитектурных сооружений могут быть представлены однокомпонентными (*жанровые скульптуры: «Воробей», «Зубр», «Волк», «Нос», «Корабль», «Официант», «Клоун», «Водопроводчик», «Часы», «Кузнец», «Портной»; памятники «Жажда», скульптурная композиция «Купалле», скульптура «Боцман», садово-парковая скульптура «Молодость»*), двухкомпонентными (*жанровая скульптура «Маленький принц», памятный знак «Нулевой километр», памятный знак «Бородатая неясность», скульптура «Лебединая верность», жанровая скульптура «Кот ученый»*) и поликомпонентными номинациями (*памятник князю Владимиру Васильковичу и княгине Ольге Романовне, памятник Афанасию Брестскому, памятник Брестской Библии, мемориальная доска В. П. Тавлаю, памятник жертвам фашизма и партизанам, па-*

мятник узникам лагеря смерти, памятный знак первому мелиоративному каналу). Анализ свидетельствует, что в количественном отношении двух- и поликомпонентные сочетания слов занимают доминирующие позиции.

Как показывает материал исследования, не все наименования архитектурных сооружений малого типа имеют проприальную часть и поэтому совпадают с номенклатурной группой, которая представляет необходимую информацию об архитектурном сооружении: *памятник воинам-автомобилистам, памятник дружбы, памятник победы, памятник пограничникам, памятник партизанам.*

В большинстве случаев в однокомпонентных номинациях основной пласт составляют апеллятивы, выраженные именами существительными. Большая часть однословных архитектуронимов с простой основой образованы традиционным для искусственной номинации способом онимизации апеллятивов («Жажда», «Зубр», «Купалле», «Боцман», «Фотограф», «Яблоня», «Шахматы», «Штык», «Молодость», «Купец», «Вакзал», «Сейм», «Библия»).

Отдельные случаи архитектуронимов представлены номинациями, которые являются результатом трансонимизации: а) модель «антропоним – архитектуроним»: *деревянная скульптура «Сигизмунд II Август»; деревянные скульптуры-персонажи пьесы Винсента Дунина-Марцинкевича «Пинская шляхта» («Крючков», «Писулькин», «Тихон Протасовицкий», «Иван Тухай-Липский», «Королева Бона»); б) модель «топоним – архитектуроним»: *деревянные скульптуры «Грунвальд», «Мухавец ды Буг», памятный знак мелиоративному Каналу Бона; в) модель «эргоним – архитектуроним»: *арт-фонари ОАО «Савушкин продукт», ОДО «Западгазсервис», СП «Санта Бремор».***

Двух- и поликомпонентные словосочетания могут быть выражены посредством а) адъективных конструкций «адъектив + апеллятив»: *мемориальный комплекс «Здитовская оборона», скульптура «Счастливый сапог», памятный знак «Старый фонарь», скульптурная композиция «Старый город», памятник «Брестская Библия»; б) предложно-падежных конструкций «предлог + имя существительное»: *скульптурная композиция «К солнцу»; в) падежных конструкций: *арт-фонарь «Сжигание второго тома»; г) описательных конструкций: *памятник в честь Брестского областного антифашистского комитета дружанского подпольного райкома КП(б) и штаба партизанской бригады имени П.К. Пономаренко; д) предложений: *арт-фонарь «Какой русский не любит быстрой езды?», арт-фонарь «Вечера на хуторе близ Диканьки».*****

Коды культуры в архитектуронимии Брестчины

В урбанонимическом пространстве «пересекаются и взаимодействуют эпохи, поколения, культуры и субкультуры, представители которых по-своему структурируют пространство в актах номинации и реноминации, реализуют свои ценностные приоритеты и воплощают социокультурно маркированные образные мотивы в новых именах топообъектов» [Никитина, с. 181].

Культурная составляющая архитектурно-именового пространства моделируется при помощи различных кодов культуры: *антропоморфный, топоморфный, социально-идеологический, фаунистический, флористический* и т.д.

Анализ имеющегося в нашем распоряжении материала показал, что в архитектурах Брестчины наиболее полное воплощение получил антропоморфный код культуры. В большинстве случаев он эксплицируется посредством меморативных названий двух категорий – персональные и коллективные посвящения. Под первыми мы подразумеваем названия отантропонимного происхождения, сформированные на базе пяти антропонимических формул: *имя, фамилия, личное имя и фамилия, личное имя и псевдоним, апеллатив и фамилия*. Вторая категория представлена меморативами в честь целой группы людей: *названия людей по роду профессиональной деятельности; социальному статусу*.

В ходе анализа нам удалось выделить несколько семантических полей «Историческая память», «Литературная память» и «Социальная память».

В малых архитектурных формах коммеморативного характера, «наряду с традиционной стилистикой монументальности, развивается стилистика “человеческого масштабирования”». Интегрируясь в окружающий урбанистический ландшафт, коммеморативные архитектурно-именовые «дополняют его и делают более рельефными значимые для города культурные темы» [Голомидова 2019, с. 11].

К названиям-посвящениям семантического поля «Историческая память» относятся архитектурно-именовые, сформированные на базе фамилий:

а) основателей научного коммунизма (*памятник В. И. Ленину, памятник К. Марксу*);

б) русских профессиональных революционеров и революционеров других стран (*памятник Крупской*);

в) выдающихся советских партийных и государственных деятелей (*памятник Ф. Э. Дзержинскому, памятник М. И. Калинин, памятник М. С. Свердлову*);

г) известных исторических личностей, выдающихся полководцев-патриотов прошлого времени, святых Русской православной церкви (*памятник Тадеушу Костюшко, памятник князю Владимиру Васильковичу и княгине Ольге Романовне, скульптурная композиция «Памятник градорубу Алексе»*);

д) героев Гражданской войны, участников национально-освободительного движения в Западной Беларуси (*мемориальная доска В. П. Тавлаю, мемориальная доска М. А. Артимене, мемориальная доска И. П. Тарасюку и В. И. Давидовичу, памятник В. И. Чапаеву, памятник Г. И. Котовскому*).

Коммеморативный опыт малых и крупных городов современной Брестчины свидетельствует и о внимании к историческим личностям, сыгравшим знаковую роль в формировании и структурировании регионального этнокультурного пространства, – основателям и владельцам населенных пунктов: г. Кобрин – *памятник князю Владимиру Васильковичу и княгине Ольге*

Романовне; г. Береза – деревянные скульптуры Яна и Барбары Гамшей; г. Каменец – памятник князю-основателю Владимиру Васильковичу; агрогородок Мотоль – деревянная скульптура королевы Боны.

Трагизм Великой Отечественной войны и подвиг жителей Брестчины являются главной темой коммеморативных практик второй половины XX века. На территории Брестчины с целью увековечения памяти в качестве основы для номинации архитектурных сооружений используются фамилии:

а) участников Великой Отечественной войны – советских военачальников, маршалов, полководцев (*мемориальная доска Г. К. Жукову мемориальная доска И. Ф. Акимочкину*);

б) партизан-подпольщиков (*мемориальная доска В. Е. Чернышеву, памятник жертвам фашизма и партизанам, мемориальная доска партизанам, памятник Неизвестному партизану, памятник Л. Р. Здановичу, мемориальная доска А. Л. Здановичу, мемориальная доска Н. С. Ковалевичу, мемориальная доска партизанам, памятник В. Е. Ключенкову, мемориальная доска С. С. Ануфриюку и А. Д. Дмитруку*);

в) участников освобождения от немецко-фашистских захватчиков (*памятник узникам лагеря смерти, памятник воинам-автомобилистам, мемориальная доска воинам-освободителям и партизанам, памятник воинам-освободителям и землякам, памятник «Героям границы, женщинам и детям мужеством своим в бессмертие шагнувшим», мемориал «Стражам границ»*).

Семантическое поле «Л и т е р а т у р н а я п а м я т ь» репрезентировано архитектурными, основой для возникновения которых служат фамилии деятелей искусства:

а) талантливых белорусских прозаиков, поэтов, драматургов, литературоведов, печатников (*мемориальная доска В. И. Голубку, мемориальная доска Я. Коласу*);

б) известных русских и зарубежных поэтов и писателей (*памятник Адаму Мицкевичу, памятник Т. Г. Шевченко, памятник Н. В. Гоголю, памятник А. С. Пушкину, памятник М. Горькому, мемориальная доска А. А. Блоку*);

в) выдающихся художников, скульпторов и архитекторов, композиторов, музыкальных критиков, режиссеров, теоретиков театра (*мемориальная доска И. В. Жолтовскому, мемориальная доска А. А. Алонцеву, мемориальная доска Воробьеву А. М., мемориальная доска Р. А. Шилаю, мемориальная доска Морозову В. Ф., мемориальная доска Н. Б. Чурабе, мемориальная доска Данелия П. А.*).

В плане поликодовой репрезентации большинство архитектурных сооружений, относящихся к семантическим полям «Историческая память» и «Литературная память», представляют собой коммеморативные комплексы, которые «выдерживаются в особых коннотациях – пиетета либо торжественности, величия или скорби. Они на эмоциональном уровне вовлекают в “проживание” номинативной темы и через образное восприятие вызывают ответный отклик» [Голомидова 2019, с. 16].

Особого внимания заслуживает семантическое поле «Социальная память». Созданный человеком знаковый материал в виде малых архитектурных форм в ряде случаев образует особую семиотически осложненную составляющую коммуникативного пространства региона, ярко иллюстрирующую социальную память. Семантическое поле «Социальная память» репрезентировано архитектонимами, основой для возникновения которых служат фамилии:

а) прославленных деятелей отечественной и мировой науки, исследователей, врачей, авиаконструкторов, героев соцтруда, спортсменов (*памятник Б. Б. Вильчковскому, мемориальная доска В. Д. Друщину, мемориальная доска Константину Шелепеню, мемориальная доска Ю. В. Нестеренко, мемориальная доска Самовичу В. П.*);

б) прославленных летчиков и космонавтов (*памятник В. Н. Карвату, памятник героическим советским летчикам* (г. Береза), *памятник погибшим летчикам Ил-4* (г. Иваново), *памятник П. И. Климук, памятная доска Федю И. Е.*).

Ярким примером «сгустка» социальной памяти и своего рода рефлексии жителей региона является уже упоминавшаяся нами Аллея кованых фонарей. Каждый из ее 42 арт-фонарей представляет собой вербально маркированный у подножья по названию инвестора отдельный арт-объект со своей идеей и задумкой. Многие арт-фонари отражают деятельность предприятий, их логотипы и символы. В качестве иллюстрации приведем несколько примеров.

Основным элементом арт-фонаря *ОАО «Белорусская универсальная товарная биржа»* являются часы – логотип фирмы и символ времени и движения; кованый логотип страховой компании «Промтрансинвест» представлен в виде крупной кованой птицы в полете на фоне земного шара; в основе композиции Белорусской торгово-промышленной палаты – ее главный символ – жезл Меркурия, который в древности служил атрибутом прекращения споров и примирения.

В основе фонаря «*Жюль Верн*», представленного СП «Санта Бремор» ООО, заложена тема путешествий: земной шар символизирует возможность открывать для себя новое, неизведанное, а бригантина, идущая на всех парусах, олицетворяет успешное продвижение к цели. Важно отметить, практически все проекты по установке арт-фонарей реализовались за счет указанных предприятий и организаций Брестчины, «что свидетельствует об осознании в обществе консолидирующей роли культурной памяти» [Сokolova, с. 99].

Еще один социально значимый коммеморативный проект реализуется на центральной аллее Брестского городского сада, где в основном на средства жителей региона устанавливаются именные скамейки. На каждой из 46 скамеек прикреплены таблички – надписи-пожелания от спонсоров: «*Тепло тому, кто излучает свет. Светло тому, кто носит в себе солнце*» – коллектив «Брестэнерго»; «*Город под надежной охраной*» – Брестское областное

управление Департамента охраны МВД Республики Беларусь; «*Как дорог край березовый в малиновой заре*» – народный артист Беларуси Эдуард Ханок; «*Жить достойно – это уметь любить, уметь прощать, порою даже забывать*» – А. П. Ковалевич, заведующий кабинетом ГУ «Брестский областной учебно-методический центр профессионального образования».

Примеров подобной семиотической маркировки пространства можно найти немало. Во многих городах и странах подобным образом формируются семиотически осложненные ансамбли площадей, парков, скверов, что свидетельствует о том, что «связь человека и городского пространства разворачивается по пути интеграции и взаимного обогащения» [Голомидова 2019, с.13].

Топоморфный код культуры в пространстве малых архитектурных форм Брестчины представлен единичными случаями. Архитектонимические единицы данного кода образованы от апеллятивов или онимов, которые указывают на другой географический или природный объект: *деревянные скульптуры «Манетны двор», «Грунвальд», «Сейм», «Вакзал», «Мухавец ды Буг», фреска «Монетный двор», передвижной арт-объект «Монетный двор», мемориальный камень в честь 500-летия деревни Щебрин.*

Согласно историческим данным Берестейский монетный двор был единственным на территории современной Беларуси и одним из шести центров монетного производства в Речи Посполитой, созданных в ходе денежной реформы 1659–1666 годов для чеканки медной монеты – солида. В народе монету прозвали «боратинкой».

В городе Бресте с целью вовлечения жителей региона в образное восприятие исторического прошлого региона установлены *деревянные скульптуры «Монетный двор»* (Парк культуры и отдыха имени 1-го Мая), *фреска «Монетный двор»* (ул. Советская) и передвижной кованный *арт-объект «Монетный двор»*. «Реконструированный» образ монетного двора наполнен особым смыслом: все желающие могут погрузиться в эпоху XVII века и «отчеканить» памятный магнит с гербом Бреста своими руками. Такие современные креативные решения, безусловно, «идут по пути внедрения новых ракурсов в имиджирование пространства» [Голомидова 2019, с. 16].

Топоморфный код культуры репрезентирован и архитектурными, в основе которых находятся топонимы – названия трех пунктов геодезической Дуги Струве: д. Щекоцк – геодезическая точка «Чекутск», д. Лясковичи – пункт «Лясковичи» и д. Осовница – пункт «Осовница». Все геодезические пункты включены в Список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО пункта геодезической Дуги Струве – наиболее точного и колоссального по размерам градусного измерения дуги меридиана в мире и архитектурно представлены в ассоциативных коннотациях. Так, памятный знак «Чекутск» (1825 г.) представляет собой стелу из черного гранита, увенчанную шаром, который символизирует Землю, с пояснительной надписью и точными координатами данного геодезического пункта.

Социально-идеологический культурный код объективируется архитектонимами, выражающими важные исторические события и символы эпохи: *Памятник в честь 40-летия освобождения Пинска, памятник в честь 40-летия советской власти, мемориальная доска в память о забастовке 1932–33 гг., памятный знак в честь 40-летия освобождения района (Малоритского), мемориальный знак в честь 40-летия освобождения Белоруссии от немецко-фашистских захватчиков.*

В архитектонике Брестского региона значимую роль играет ф а у н и - ч е с к и й к о д к у л ь т у р ы, связанный с представлениями жителей региона о мире животных: *памятник воробью, жанровая скульптура «Бобры-строители», стела «Летящий аист», памятник «Летучая мышь», скульптурная фигура зубра, скульптура волка-покровителя.*

Так, в 1990 году зубр установлен в Каменце рядом с основателем города волынским князем Владимиром Васильковичем. В Барановичском районе на трассе Минск – Брест на границе Минской и Брестской областей появилась гигантская скульптурная фигура зубра.

Памятник воробью был установлен в г. Барановичи в рамках национальной кампании «Домовый воробей – птица 2003 года» и является единственным памятником птице в Беларуси. На пьедестале памятника – надпись на белорусском языке: *«2003 год – год вераб'я дамавога. Да вас я назаўсёды прыляцеў. Не поўдзень вабіць, а Радзіма».*

В 2009 году на перекрестке улиц Советской и Островского установлен *памятный знак «Старый город»*, посвященный 990-летию города Бреста. На камне-валуне на старорусском языке размещен текст приказа об учреждении должности фонарщика. Ниже помещена бронзовая плита с изображением схематической карты Брест-Литовска конца XIX века. Пространство дополнено иконическим знаком – выполненной из кованого железа с бронзовым напылением летучей мышью с керосиновым фонарем в лапах.

Скульптура волка-покровителя появилась в городском поселке Логишин в 2021 году и связана с его историей. Зимой 1552 года купец Логиш со своим караваном отправился в г. Пинск. Накануне поездки владельца каравана Логиша предупреждали об опасности. В окрестностях Логишина лошадей каравана напугал вой обитавших в округе волков, сани застряли в болоте и купцу пришлось зимовать за Ясельдой. В 1643 году Логишин получил магдебургское право, а король Сигизмунд III даровал городу герб «волк на лосиных ногах». На голубом щите волк изображен с поднятой вверх головой, на лосиных ногах и с лисьим хвостом.

Самая малочисленная группа архитектонимов объективирует флористический код и отражает представления жителей региона о растениях окружающего мира: *жанровая скульптура «Яблоня».*

Таким образом, выявление и описание «архитектурного» пласта ономастического массива Брестчины, с одной стороны, «позволяет получить комплексное представление о конкретном региональном фрагменте ономас-

тической картины мира» [Максимчук, с. 130]; с другой стороны, выявить и описать «особенности жизни, истории и культуры, которые в значительной степени аккумулированы именно в местных именах» [Максимчук, с. 130].

Архитектонимы в региональном медийном пространстве

Архитектонимам по сравнению с другими единицами ономастического пространства присуща константность, иными словами, они не подвержены стихийным переименованиям или исчезновениям как в случае с эргонимами и прагматонимами. Нельзя также не заметить, что в пределах отдельных населенных пунктов архитектурные топонимы могут образовывать тематические блоки, реализовывать одновременно и символическую, и навигационную функции. Участвуя в реализации общей номинативной темы, архитектурные топонимы «эксплицируют значимую символическую линию в урбанонимическом портрете города» [Голомидова 2019, с. 21].

С момента своего появления архитектурные топонимы не являются «статичной» ономастической единицей, а активно проникают во многие виды дискурсивной практики человека – массмедийный дискурс, рекламный дискурс, туристический дискурс, педагогический дискурс и др.

Под влиянием актуальных процессов виртуализации социальной среды символические архитектурные активы Брестского региона приобретают все больший вес в региональном медийном пространстве и служат фундаментом для создания поликодового образа и бренда региона. Медиатизация символического капитала при конструировании геобренда фокусируется в различных медиаповестках: *Памятник воинам Красной Армии у входа в Парк культуры и отдыха реставрируют* (Вечерний Брест, 08.07.22); *Две уличные скульптуры: “Пинчук” и “Банкир” появятся в городе* (Пинский Вестник, 21.03.17); *Сигизмунд Август, глашатай, купец... В начале июня парк Бреста прирастет десятью историческими фигурами* (Вечерний Брест, 29.05.22); *Деревянная скульптура Николая Тарасюка установлена в Стойлах* (Вечерний Брест, 13.05.15); *Новая композиция появилась на аллее фонарей в Бресте* (Вечерний Брест, 01.04.14).

Попадая на страницы региональной прессы, архитектурные топонимы достаточно часто используются вместе с ивентонимами и создают насыщенные микро-тексты, основанные на мемориально-символическом мотиве. В региональном медийном пространстве освещение знаковых для Брестчины событийных мероприятий часто сопровождается описанием архитектурных топонимов: 1) кулинарный фестиваль «Мотальскія прысмакі» – *В программу фестиваля включена необычная акция: открытие сквера скульптур, созданных по мотивам «Мотальскіх прысмакаў». В числе деревянных «изваяний» – фигура Боны Сфорцы, мотоланки в кожухе, свата с караваем и, конечно, местного колбасника* (Вечерний Брест, 09.07.21); 2) празднование 540-летия города Береза – *Мастера из разных регионов готовятся сделать подарок к 540-летию города ...<...>... В своих творениях они хотят воплотить многогранную историю города. В задумках – художественно осмысленные образы первых владельцев Березы Яна и Барбары Гамшлеев, скульптура старца,*

а также композиция «Споровская полька» и памятный знак «Щеповая птица-оберег». Щеповая птица, ставшая одним из символов города, и «Споровская полька» внесены в Список нематериальных ценностей Республики Беларусь (Вечерний Брест, 12.07.17); 3) Ранее были установлены фигуры к 600-летию Грюнвальдской битвы. В этот раз исторические композиции «Грэбень», «Купец», «Манетны двор», «Біблія», «Габрэй і синагога», «Грунвальд», «Сейм», «Магдэбургскае права», «Вакзал», «Мухавец ды Буг» разместятся словно в продолжение исторической улицы Леваневского, недалеко от озера (Вечерний Брест, 29.05.22). Можно добавить, что вербальная канва медиатекстов практически всегда сопровождается цветными визуальными изображениями малых архитектурных сооружений, которые, безусловно, служат основными архитектурными слагаемыми образами Брестской области.

Итак, названия малых архитектурных форм занимают важное место в ономастическом пространстве Брестского региона. Мозаично складываясь с другими урбанонимическими единицами в целостное поликодовое городское пространство, архитектуронимы способствуют образно-символьному представлению населенных пунктов Брестского региона и поддерживают четкие грани его культурного кода.